

С.Б.Филимонов

**ИЗ ПРОШЛОГО
РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ
В КРЫМУ**

ПОИСКИ И НАХОДКИ
ИСТОРИКА-ИСТОЧНИКОВЕДА

Сергей Филимонов

**Из прошлого русской культуры
в Крыму. Поиски и находки
историка-источниковеда**

«Новая Орианда»

2012

УДК 930.2 (477.75)
ББК 63.3 (4Укр-6) 52-7

Филимонов С. Б.

Из прошлого русской культуры в Крыму. Поиски и находки историка-источниковеда / С. Б. Филимонов — «Новая Орианда», 2012

Книга основана на документальных находках автора и содержит уникальную информацию о научной, культурной и религиозной жизни в Крыму в конце XIX – середине XX в., в том числе об оставшихся малоизвестными крымских публикациях крупнейших русских ученых и писателей (С.Н.Булгакова, В.И.Вернадского, Г.В.Вернадского, Б.Д.Грекова, Н.К.Гудзия, И.А.Линниченко, А.И.Маркевича, А.Н.Толстого, И.С.Шмелева и др.), об архивных документах о святителе Луке (Войно-Ясенецком). Под часто употребляемым в книге термином «малоизвестные публикации» автор подразумевает выявленные им на страницах редких изданий публикации, которые конечно же были известны некоторому количеству читателей, но по разным причинам не были включены в библиографические справочники и потому оставались неизвестными специалистам. Помимо материалов, опубликованных автором в различных изданиях ранее, книга содержит и его новые находки. Для всех интересующихся историей Отечества.

УДК 930.2 (477.75)
ББК 63.3 (4Укр-6) 52-7

© Филимонов С. Б., 2012
© Новая Орианда, 2012

Содержание

Предисловие	6
Примечания	13
Подвижник веры и науки: епископ Таврический Михаил (Грибановский) и его литературное наследие	15
Примечания	38
Таврическая ученая архивная комиссия в 1917 – 1920 годах	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Борисович Филимонов

Из прошлого русской культуры в Крыму. Поиски и находки историка-источниковеда

Автор благодарит Симферопольского городского голову Геннадия Александровича Бабенко за помощь в издании книги

Книга заснована на документальних знахідках автора і містить унікальну інформацію про наукове, культурне і релігійне життя в Криму в кінці ХІХ – середині ХХ в., у тому числі про залишавшихся маловідомими кримські публікації найбільших російських вчених та письменників (С.М.Булгакова, В.І.Вернадського, Г.В.Вернадського, Б.Д.Грекова, М.К.Гудзія, І.А.Лінніченко, А.І.Маркевіча, О.М.Толстого, І.С.Шмельова та ін.), про архівні документи про святого Луку (Войно-Ясенецького). Під часто вживаним в книзі терміном «маловідомі публікації» автор має на увазі виявлені ним на сторінках рідкісних видань публікації, які звичайно ж були відомі деякій кількості читачів, але з різних причин не були включені в бібліографічні довідники і тому залишалися невідомими фахівцям. Крім матеріалів, опублікованих автором в різних виданнях раніше, книга містить і його нові знахідки.

Для всіх, хто цікавиться історією Вітчизни.

Предисловие

Манифестом императрицы Екатерины II от 8 (19) апреля 1783 года Крым был присоединен к России. В ознаменование 100-летнего юбилея этого события, прочно и на века включившего Крым в состав Русского мира, в 1890 году в столице Крыма Симферополе Таврическим дворянством «при участии всея России» Екатерине II был воздвигнут памятник¹. Памятник этот большевики дважды крушили: в 1919 году (в том же году при генерале А.И.Деникине памятник был восстановлен) и в 1921-м. Ныне, вопреки сопротивлению со стороны крымско-татарских и украинских националистов, памятник вновь восстанавливается.

Памятник Екатерине II в Симферополе

Знаменитый крымовец Арсений Иванович Маркевич (1855–1942) в статье «Памятник Екатерине Великой» (статья была напечатана в 1919 году и с тех пор оставалась малоизвестной), призывая к восстановлению памятника, писал: «Этот памятник [...] был любимым и дорогим для здешних граждан, знавших, благодаря чьему гению Таврида из полудикой страны превратилась в один из лучших уголков земли русской, понимавших хорошо, кому они обязаны здесь своим благополучием. Но помешать снятию памятника, остановить это варварское деяние озверелых, диких людей, руководимых предателями России и изменниками, было невозможно. [...] В течение ряда лет и особенно в последние годы вытраивалась в русском

народе любовь к родине, ее светлому и славному прошлому, теми, кто хотел превратить весь русский народ в «Иванов Непомнящих». Покажите, граждане Симферополя, что та гнусная ложь, клевета и грязь, которыми позорилась наша Россия и наша родная история, не повлияли на уменьшение нашей преданности родине и любви к ее прошлому. И русские и инородцы должны объединиться и не отказаться исполнить свой гражданский долг»². При чтении этих строк не покидает ощущение, что написаны они не в 1919 году, а вчера.

До революции и прихода в Крым в ноябре 1920 года к власти большевиков вопросы истории, археологии и этнографии региона успешно разрабатывались старейшей и авторитетнейшей в Крыму краеведческой организацией – Таврической ученой архивной комиссией, образованной в 1887 году и объединившей в своих рядах всех крымоведов страны³. Но при большевиках перед исторической наукой ставятся совсем иные задачи: история рассматривалась ими как «политика, опрокинутая в прошлое» (в деле пропаганды и популяризации этого крылатого выражения и претворения его в качестве постулата в жизнь особенно велика роль главы советской исторической науки первых лет ее существования академика М.Н.Покровского⁴).

В 1954 году Крым (Крымская область) был передан из состава Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в состав Украинской Советской Социалистической Республики, в августе 1991 года Украина провозгласила государственную независимость, а в декабре того же года Союз Советских Социалистических Республик перестал существовать.

Поскольку на постсоветском пространстве многие власть и деньги имущие придерживаются большевистских взглядов на задачи исторической науки, а сама историческая наука, и прежде изобиловавшая угодливыми историками, пополнилась еще и хлынувшими в нее дилетантами, в современной исторической литературе, помимо несомненного прогресса (стали разрабатываться темы, бывшие ранее запретными, совершенствуется методика исторических исследований, формируются новые концепции отечественной истории и т. д.), наблюдаются мифы, фальсификации, ложь, ошибки и плагиат⁵.

Продолжается порочная практика публикации документов с купюрами. Вот свежий пример, связанный с публикацией ценнейшего источника по истории Крыма периода включения его в состав Российской империи. Еще в 1918 году выдающийся крымоведа Александр Львович Бертье-Делагард (1842–1920)⁶, выполняя просьбу Таврической ученой архивной комиссии, подготовил к печати сделанный им перевод сочинения о Крыме всемирно известного ученого-энциклопедиста и путешественника академика Петра Симона Палласа (1741–1811)⁷.

Александр Львович Бертье-Делагард

Рукопись перевода⁸ хранится в фондах Центрального музея Тавриды (г. Симферополь). Обзорного характера заметка об этой рукописи в 1985 году была напечатана в издании Академии наук СССР⁹. В 1986 году Архив АН СССР (Москва) начал работу по подготовке этой рукописи к печати, завершённую в 1999-м уже Российской академией наук¹⁰. Публикуя предисловие («От переводчиков»), написанное рукой сестры А.Л.Бертье-Делагарда С.Л.Белявской под его диктовку, издатели опустили часть текста, сообщив в примечании: «Далее опущены 14 строк машинописного текста (неточность: текст предисловия рукописный. – С.Ф.), не имеющего прямого отношения к теме настоящего издания». Что же содержат опущенные издателями строки? Вот этот текст: «Крушение Русского государства в наши горькие времена возбуждало особое внимание к познанию и пониманию бывших его окраинных частей; опасность и возможность потери их, а между ними и Тавриды, лучшей жемчужины государства, заставила всех к ней близких, любящих ее как родную землю, думать о ее судьбах. Чем она была до перехода к России? Чем стало это разбойничье гнездо, перейдя в культурные руки? Ответы на эти вопросы ближе всего найдутся в старых первоначальных исследованиях, тем более значащих, что они делались иностранцами, с особою подозрительностью и даже злобною ненавистью смотревших на успехи России на берегах Черного моря. Их правдивость требует внимательного критического изучения, но их всего менее можно заподозрить в пристрастии и

особой благосклонности к нашему Отечеству. Вот поводы, побудившие Таврическую ученую архивную комиссию ближе познакомить Россию с трудами исследователей Тавриды»¹¹. Как видим, текст этот, написанный А.Л.Бертье-Делагардом в «злополучнейшем в истории России» 1918 году¹², выдает в его авторе, блестящем военном инженере и замечательном знатоке истории Крыма, еще и великого русского патриота. В обстановке русофобии, после распада СССР нагнетавшейся властями в некоторых бывших союзных республиках (в том числе в Украине), публиковать вышепротитированный текст было для Российской академии наук, наверное, чревато неприятными последствиями. Поэтому, думается, издатели и пошли на публикацию документа с купюрой.

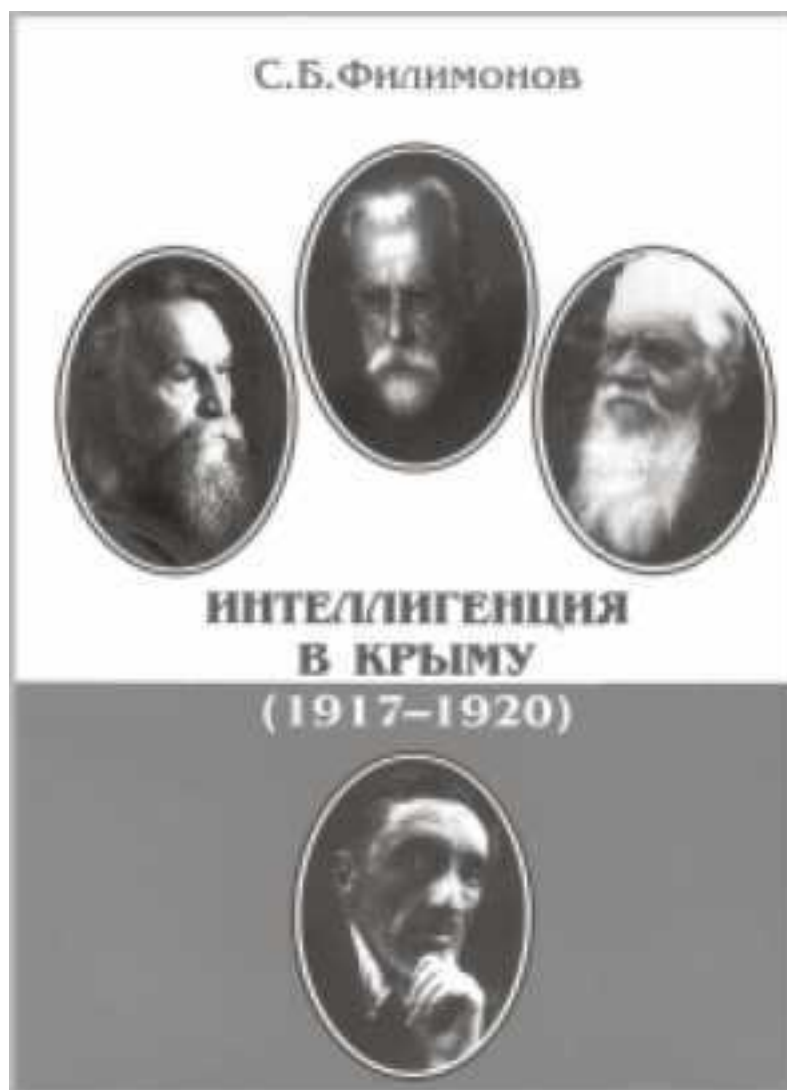
Как известно, уровень исторических знаний во многом предопределяется уровнем развития источниковедения¹³ – науки об исторических источниках (свидетельствах о прошлом) и приемах их выявления, изучения и использования в работе историка.

Автор настоящей книги вот уже треть века занимается выявлением, изучением и обнародованием архивных и оставшихся малоизвестными печатных источников по истории Крыма. Итогом его источниковедческих разысканий стали сотни статей и документальных публикаций, а также книги: «Хранители исторической памяти Крыма: о наследии Таврической уче-

ной архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии, 1887–1931 гг.» (2 издания. – Симферополь, 1996, 2004), «Тайны крымских застенков. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920-1940-е годы» (3 издания. – Симферополь, 2000, 2003, 2007), «В.И.Вернадский и Крым: люди, места, события...» (в соавторстве. – Київ, 2004), «Секретно»: архиепископ Крымский Лука (Войно-Ясенецкий) под надзором партийно-советских органов»: [сб. док.] (в соавторстве. – Симферополь, 2004), «Интеллигенция в Крыму (1917 – 1920): поиски и находки историковеда» (Симферополь, 2006)¹⁴.

Настоящая книга посвящена поискам и находкам автора в сфере источниковедения истории русской культуры в Крыму. Читателю предлагается ознакомиться с биографией и обзором сохранившейся и несохранившейся частей литературного наследия выдающегося богослова и философа епископа Таврического Михаила (Грибановского), послужившего прототипом главного героя чеховского рассказа «Архиерей»; с наиболее ярким периодом в истории Таврической ученой архивной комиссии – с ее трудами в 1917 – 1920 годах; с деятельностью других существовавших в Крыму в годы Гражданской войны научных обществ; с составом и содержанием недавно рассекреченных крымских антибольшевистских газет времен Гражданской войны; с историографией (историей изучения) и источниковедением истории старейшего и авторитетнейшего в Крыму вуза – Таврического университета; с проведенным в разгар Гражданской войны профессорским диспутом на тему «Наше время в свете исторического процесса»; с оставшимися малоизвестными публикациями ряда видных и выдающихся русских (русских не обязательно по национальности, но по культуре и самоидентификации) ученых и писателей (в том числе С.Н.Булгакова, В.И.Вернадского, Г.В.Вернадского, Б.Д.Грекова, Н.К.Гудзия, И.А.Линниченко, А.И.Маркевича, А.Н.Толстого, И.С.Шмелева и др.); с недавно рассекреченными архивными документами о святителе Луке (Войно-Ясенецком). Последний очерк – «По следам утраченных святынь» – обращен не только в прошлое, но содержит и программу дальнейших поисковых работ.

Автор надеется, что предлагаемая вниманию читателей книга будет способствовать распространению представлений об истории многонациональной отечественной интеллигенции, науки и культуры, а также дальнейшей разработке этой потрясающе интересной и чрезвычайно поучительной темы.

За помощь в работе над книгой автор считает долгом выразить признательность сотрудникам Таврического национального университета им. В.И.Вернадского Ларисе Егоровне Гербенской, Дмитрию Ювеналиевичу Корну, Ларисе Александровне Чех, сотруднице Крымского филиала Института археологии Национальной академии наук Украины Валентине Николаевне Пичке.

Примечания

¹ См.: **Гуркович В.** Рассказ жителя Симферополя любознательным читателям о своем городе, его улицах и переулках, домах и монументах, памятных и любимых автором уголках столицы Крыма // Столица Крыма Симферополь / под ред. С.Б.Филимонова. – Симферополь, 2001. – С. 19 – 20.

² Полную републикацию этой статьи А.И.Маркевича см. ниже, Приложение XII, док. № 1.

³ См.: **Филимонов С.Б.** Хранители исторической памяти Крыма: о наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.). – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Симферополь, 2004.

⁴ См.: **Наумова Г.Р., Шикло А.Е.** Историография истории России: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2008. – С. 378.

⁵ Характеристику отечественной (главным образом, российской) исторической науки в конце XX – начале XXI в. см.: **наумова Г.р., Шикло А.Е.** Указ. соч. – С. 438 – 467. Критику фальсификации истории в современной украинской историографии см. в многочисленных публикациях академика П.П.Толочко, Д.В.Табачника и др. (особенно богат публикациями такой направленности киевский еженедельник «2000»); монография «Национально-исторический миф Украины» готовится к печати севастопольским историком и философом А.В.Ставицким.

⁶ См. о нем: **Сухоруков В.Н.** Крым в лицах и биографиях. – Симферополь, 2007. – С. 34 – 37; републикацию недавно выявленного мною остававшегося малоизвестным некролога А.И.Маркевича «А.Л. Бертье-Делагард» см. ниже, Приложение XII, док. № 3, а также: **Филимонов с.** «А.Л. Бертье-Делагард»: неизвестная статья Арсения Маркевича // Крымское время. – Симферополь, 2010. – 25 февраля. – № 15 (2820). – С. 37.

⁷ См. о нем: **Маркевич А.И.** Академик П.С.Паллас. Его жизнь, пребывание в Крыму и ученые труды: (к столетию со дня его смерти) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь, 1912. – № 47. – С. 167 – 242.

⁸ Вот, какую информацию о качестве перевода содержит одно оставшееся малоизвестным издание. В протоколе заседания Таврической ученой архивной комиссии от 22 декабря 1918 г., на котором присутствовали такие авторитетные ученые, как геолог и палеонтолог академик Н.И.Андрусов, историк профессор Г.В.Вернадский, ботаник Е.В.Вульф, ректор Таврического университета анатом профессор Р.И.Гельвиг, литературовед профессор Н.К.Гудзий, декан историко-филологического факультета Таврического университета историк и филолог профессор А.Н.Деревицкий, геолог П.А.Двойченко, историк литературы профессор А.П.Кадлубовский, филолог профессор В.А.Розов, археолог и историк Н.Л.Эрнст и др., зафиксировано: «Председатель (А.И.Маркевич. – С.Ф.) представил вниманию Комиссии перевод сочинения академика П.С.Палласа «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793 и 1794 гг. Второй том (касающийся Тавриды)». Перевод исполнен почетным членом Комиссии А.Л.Бертье-Делагардом. Собрание с глубоким интересом выслушало несколько отрывков из этого труда и убедилось как в верности и точности перевода, так и научности его, правильности и легкости языка. Постановлено: выразить А.Л.Бертье-Делагарду усерднейшую благодарность Комиссии за исполненный им громадный труд» (Приложение к № 57 Известий Таврической ученой архивной комиссии. – [Симферополь, 1920]. – С. 32. О причинах малоизвестности указанного издания см. ниже, Приложение I, комментарий 1).

⁹ **Филимонов С.Б.** О подготовке А.Л.Бертье-Делагардом к печати перевода сочинения П.С.Палласа о Крыме // Археографический ежегодник за 1983 год. – М., 1985. – С. 270 – 272.

¹⁰ **Петр Симон Паллас.** Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничества Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем.; отв. ред. Б.В.Левшин. – М.: Наука, 1999. – 246 с., ил. – (Науч. наследство; т. 27).

¹¹ Центральный музей Тавриды. Архив А.Л.Бертье-Делагарда. КП-22971. Д. 8686. Л. 1 – 2.

¹² О настроениях крымской общественности в 1918 году см. ниже, Приложение I, док. № 2.

¹³ См.: **Шмидт С.О.** Путь историка: избр. труды по источниковедению и историографии. – М., 1997.

¹⁴ См.: Сергей Борисович Филимонов: библиографический указатель: справочное издание [к 60-летию Филимонова]. – Симферополь: «СГТ», 2007. – 80 с.

Подвижник веры и науки: епископ Таврический Михаил (Грибановский) и его литературное наследие

Его проповеди потрясали.

Его попытка создать христианскую философию осталась беспрецедентной.

Его книгой «Над Евангелием» зачитывалась православная Россия.

Его благодатное влияние ощущали и простые миряне, и августейшие особы, и церковные иерархи.

Его прочили в Патриархи.

Его обликом восхищался Горький.

Его портрет стоял в кабинете Чехова.

Его Чехов воспел в рассказе «Архиерей».

Его трижды хоронили в симферопольскую землю.

Его труды сегодня, после длительного забвения, переиздаются массовыми тиражами и становятся событиями для всех, ищущих ответы на основные вопросы бытия...

Епископ Михаил (Грибановский) с мамой, Фавстой Ермиловной

Епископ Таврический и Симферопольский Михаил (Грибановский) (1856–1898), скончавшийся в Симферополе от чахотки на 42-м году жизни, был, как выясняется, одним из самых ярких духовных светильников России второй половины XIX века.

Епископ Таврический Михаил(Грибановский)

Об этом свидетельствуют, помимо вышеприведенных, еще и такие факты. Выдающийся государственный деятель пореформенной России обер-прокурор Святейшего Синода К.П.Победоносцев в записке, поданной Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу (будущему императору Николаю II), так характеризовал преосвященного Михаила: «Это человек прекрасной души, ясного взгляда, ученый, образованный, благочестивый»¹. Преосвященный Антоний (Храповицкий), вошедший в историю Русской Православной Церкви как один из крупнейших ее деятелей, в речи, произнесенной 22 августа (3 сентября) 1898 года на похоронах своего друга и духовника епископа Михаила (Грибановского), подчеркивал: «Знай же, Таврическая паства, какое сокровище заключено в земные недра под твоим соборным храмом. Эта могила вводит тебя в духовное общение с предстоятелями многих церквей Российских и Восточных, которые бы за счастье почли помолиться и поплакать у этого гроба. И мы знаем, что многие нарочно приедут сюда помолиться за усопшего, которых путь не лежал бы на сию окраину отечества, которые бы никогда и не взглянули на Крым и Симферополь, если бы там не был

погребен Преосвященный Михаил»². По авторитетному мнению издателей выходящей в наши дни серии книг «Богословская библиотека», «имя епископа Михаила (Грибановского) принадлежит к числу драгоценнейших имен отечественного богословия»³.

Архиепископ Антоний (Храповицкий)

...В 1911 году, 13 лет спустя после кончины архипастыря, вышла книга «Преосвященный Михаил (Грибановский), епископ Таврический и Симферопольский (1856–1898). Биографический очерк (с портретом и автографом почившего епископа)» (Полтава, 1911. – 136 с.). Книга эта, ставшая в наши дни библиографической редкостью, остается наиболее полным жизнеописанием преосвященного Михаила. Книгу эту непременно используют все, кто пишет о жизни и трудах преосвященного Михаила (в этом несложно убедиться, проведя сравнительный текстологический анализ), при этом никогда(!) на нее не ссылаясь... Такое потребительское отношение к столь уникальной книге какую-либо иною причиною, как только ее авторскою безымянностью, объяснить затруднительно.

Автор книги (скромно именующий себя составителем), следуя традиции древнерусских книжников, скрыл свое имя; на титульном листе значится: А.Л. В результате на протяжении вот уже почти века книга эта значится в каталогах библиотек как книга неизвестного автора. Мы

попытались атрибутировать ее (установить имя автора), используя метод анализа содержания книги и других источников информации и сопоставления полученных данных. Попытка, как представляется, оказалась успешной. Впрочем, предлагаем судить об этом читателю.

То, что автором книги был человек, близко знавший епископа Михаила (Грибановского), становится понятным уже с первых ее страниц. В разделе «Вместо предисловия» «составитель» пишет: «Для лиц, близких к почившему, имевших счастье знать его, беседовать с ним, пользоваться его духовным руководством остается утешать себя сознанием, что хотя маленькая частица его жизни здесь, на земле, имела отношение к их собственной. В то же время для них дорога должна быть каждая строчка его письменного слова, рисующая его привлекательный духовный образ. В этих видах и предпринято редакцией новое, дополненное издание сборника его статей “Над Евангелием”, издана часть его писем, имеется в виду отпечатать его дневники, записи и заметки»⁴.

Как видим, автор книги, во-первых, близко знал епископа Михаила, во-вторых, имел доступ к его личному архиву, в-третьих, принимал участие в публикации части материалов этого архива.

Далее. Автор чрезвычайно подробно излагает обстоятельства кончины Преосвященного Михаила, что выдает очевидца. Впрочем, об этом он и сам проговаривается: «С 11 часов до 3 часов [19 августа] при постели больного дежурить пришлось пишущему эти строки»⁵.

Но кто он, этот близкий епископу человек с инициалами А.Л.? На последних страницах книги читаем: «Когда, по окончании отпевания и обнесения вокруг храма, гроб поднесен был к могиле, была произнесена последняя при гробе речь смотрителем духовного училища А.И. Леонтьевым. Земляк и почти товарищ почившего по Петербургской духовной академии (окончил курс в 1885 году), смотритель училища, как человек близкий к почившему в годы епископства, в своей речи отметил две главные черты характера почившего святителя. Это – долг, самоотверженный труд на пользу церкви и ближних, и любовь – живая, деятельная к людям. [...] Доказательством готовности почившего помочь людям, нуждающимся в нравственной поддержке и руководстве, служит изумительная по своей обширности и разнообразию предметов переписка Владыки с людьми, обращавшимися к нему за нравственным успокоением и поддержкою. На все эти письма, – говорил оратор, – ты, больной и слабый телом, но крепкий духом, находил возможность отвечать с полною готовностью и любовью. То утешаешь ты своего ближнего в понесенном им тяжком горе, то успокаиваешь его совесть, смущаемую вопросами примирения веры и рассудка, укрепляешь его волю, ослабевшую в стремлении к исполнению заветов христианского самовоспитания, то врачуешь больную, исстрадавшуюся душу скептика»⁶.

Таким образом, внимательное прочтение книги о епископе Михаиле (Грибановском) позволяет предположить, что ее автором был смотритель Симферопольского духовного училища Александр Иванович Леонтьев: он, во-первых, был близок к епископу, во-вторых, имел доступ к материалам его личного архива (в частности, к переписке). Но попробуем поискать дополнительных тому подтверждений.

В 1898 году в «Таврических епархиальных ведомостях» был напечатан материал, озаглавленный «Последние дни жизни, кончина и погребение преосвященного Михаила, епископа Таврического и Симферопольского». Вот что сказано здесь о последних минутах жизни епископа: «Чувствовал больной, что смерть уже витает около него, что доживает он последние минуты. Подозвав к себе смотрителя духовного училища [А.И. Леонтьева], он едва уже выговорил следующие слова: “Прошу, передайте друзьям, чтобы не удалялись.”»⁷. Из этого же материала явствует, что А.И. Леонтьев был товарищем преосвященного Михаила не только по Петербургской духовной академии, но и по Тамбовской семинарии⁸.

Последние сомнения развеяли следующие материалы. В 1910 году в «Таврическом церковно-общественном вестнике» была помещена статья, посвященная 25-летней педагогической деятельности А.И. Леонтьева. В ней отмечалось, что юбиляр 11 лет (с 1885 по 1896 год) состоял в должности преподавателя русской словесности Полтавской духовной семинарии (следовательно, в Полтаве, где была издана интересующая нас книга, у него имелись прочные связи) и 14 лет (с 1896 по 1910 год) – в должности смотрителя Симферопольского духовного училища. В статье обращалось внимание на то, что «особенною любовью и даже дружбой пользовался Александр Иванович со стороны приснопамятного, ныне покойного, Преосвященного Михаила, бывшего в то время Полтавским викарным. Преосвященный Михаил высоко ценил Александра Ивановича и, с переходом своим на Таврическую епископскую кафедру, переместил, можно сказать, Александра Ивановича из Полтавы в Симферополь на занимаемую ныне должность смотрителя духовного училища»⁹.

Наконец, в «Таврических епархиальных ведомостях» за 1911 год сообщалось: «Вышла из печати новая книга “Над Евангелием” (1 – 257 стр.). С биографией (1-136 стр.), портретом и изображением памятника на могиле почившего святителя. – Полтава, 1911 г. (т. е. фактически было издано две книги, одна из которых – атрибутируемая нами биография епископа Михаила (Грибановского). – *Авт.*). [...] Чистый доход от продажи издания, согласно воле почившего архипастыря, поступает на образование фонда для приобретения религиозно-нравственных брошюр и листовок и бесплатной раздачи их народу во время чтения акафистов в Симферопольском кафедральном соборе. Главный склад издания: Симферополь, квартира смотрителя духовного училища А.И. Леонтьева, на имя которого и адресуйте требования о высылке книг. Там же имеются в продаже «Письма Преосвященного Михаила, почившего епископа Таврического»»¹⁰.

Как видим, не кто иной, как А.И.Леонтьев, был причастен к изданию всех трех книг, имевших отношение к преосвященному Михаилу, а именно: книги епископа «Над Евангелием», сборника писем преосвященного Михаила, а также книги о нем.

Таким образом, примененный нами метод атрибуции позволяет с достаточным на то основанием утверждать, что автором изданной в 1911 году книги о епископе Михаиле (Грибановском), скрывшим свое имя за инициалами А.Л., был Александр Иванович Леонтьев (1860 —?), земляк Михаила Грибановского (Грибановский – уроженец г. Елатьмы Тамбовской губернии, а Леонтьев родился в Шацком уезде той же губернии), его близкий друг, душеприказчик и хранитель архива преосвященного

Михаила, в 1896–1920 годах – последний смотритель Симферопольского духовного училища, в 1927 году подвергшийся необоснованным репрессиям, а в 1994 году реабилитированный¹¹.

Святитель Феофан затворник

Атрибутированная нами книга А.И.Леонтьева позволяет следующим образом представить биографию епископа Таврического Михаила.

Преосвященный Михаил – в миру Михаил Михайлович Грибановский – родился 2 ноября 1856 года в г. Елатье Тамбовской губернии в семье потомственного священника. Отец его, Михаил Иерофеевич Грибановский, был благочинным церкви г. Елатьмы, мать, Фавста Ермиловна, – дочерью священника.

Михаил был младшим из 11 братьев и сестер. Увы, большинство детей были слабы здоровьем и умерли, не дожив до зрелого возраста.

Ко времени раннего детства Михаила относится знаменательный случай. Дом отца посетил великий русский богослов Феофан Затворник (тогда – епископ Тамбовский). Проходя на балкон через невысокую дверь, владыка Феофан случайно уронил свой головной убор. Монашеский кlobuk упал на руки шедшего следом 5—6-летнего Миши. Спустя годы епископ Михаил, вспоминая этот случай, смотрел на него как на пророческое предуказание своего монашеского пути.

В 1866–1872 годах Михаил обучается в Тамбовском духовном училище. Здесь, помимо знаний, мальчик приобретает и волевые качества: чтобы преодолеть дневную сонливость, он ложится на сруб колодца; чтобы выучить плохо дававшийся греческий язык, Михаил, сказавшись больным, на месяц запирается в квартире и затем отлично отвечает в классе. В результате, не посещая первые 3 года училища по болезни, будущий архиерей оканчивает его вторым по списку.

В августе 1872 года Михаил Грибановский вместе со 120 своими товарищами по училищу держит экзамен в Тамбовскую духовную семинарию. И поступает туда уже первым по списку. В семинарии его страстью стала философия. Он штудирует философские труды. Изучив всю доступную литературу на русском языке, юноша специально выучил немецкий – язык наиболее популярных философских направлений. Оставшись неудовлетворенным, семинарист Грибановский записывает в дневнике изречение известного историка церкви Цезаря Барония: «Философия есть преддверие веры». И приступает к поискам научного обоснования веры.

В 1880 году Михаил поступает в Петербургскую духовную академию на церковно-историческое отделение. В 1882 году он публикует свои первые религиозно-философские статьи. А 5 января 1883 года Михаил оставляет в дневнике знаменательную запись, раскрывающую смысл его многолетних религиозно-философских исканий: «Осмыслить философски христианство – вот величайшая цель настоящего времени, намеченная Шеллингом. Не должно быть разлада. Догматы величайшей, абсолютной религии должны быть величайшей, истиннейшей философией. Нужно только понять их и проникнуть философским анализом и синтезом. Нет еще христианской философии. Ее нужно создать. По ней тоска, ее жаждет человечество, неудовлетворяющееся одной верой. Вот задача, достойная гениев. Не разрешить ее, а только совершить хотя бы ничтожную попытку к ее разрешению у нас, в России, натолкнуть мысль на это – вот величайшая задача моей мысли»¹².

Задача, поставленная перед собою Грибановским, состояла в том, чтобы создать подлинно жизнеспособную и продуктивную христианскую философию в ее вершинной православной фазе и встроить ее в трехчленную схему: дохристианская религиозная философия (Гераклит), западнохристианская религиозная философия (Шеллинг), православнохристианская религиозная философия.

Важнейшими вехами на пути решения этой грандиозной религиозно-философской задачи стали диссертации Михаила Грибановского: кандидатская – «Религиозно-философское мировоззрение философа Гераклита» (1883 г.) и магистерская – «Истина бытия Божия. Вып. 1. Опыт уяснения основных христианских истин естественною человеческою мыслию» (1888 г.). И хотя, как это видно даже из заглавия магистерской диссертации («Вып. 1»), замысел по созданию христианской философии Михаилу Грибановскому осуществить в полном объеме не удалось (главным образом, по причине смертельной болезни), философские открытия, содержащиеся в этих трудах, имеют выдающееся значение¹³.

14 января 1884 года 27-летний студент Петербургской духовной академии Михаил Грибановский принимает монашество. В постриге ему было оставлено прежнее имя с переменной небесного покровителя – с архангела Михаила на первого митрополита Киевского Михаила.

Этот шаг Михаила Грибановского знаменовал возвращение в Академию после 20-летнего перерыва студенческого монашества. Вслед за Михаилом в монахи постригаются еще несколько студентов, среди которых – Антоний (Храповицкий), будущий выдающийся иерарх Русской Православной Церкви, в 1917 году – один из трех кандидатов в Патриархи, в эмиграции – основатель и глава Русской Зарубежной Церкви.

Святейший Патриарх Тихон

Новопостриженные студенты Академии составляют дружину молодых иноков, душою которой стал о. Михаил (Грибановский). В те годы в Петербургской духовной академии учился и Василий Белавин, будущий Святейший Патриарх Тихон. Впоследствии он с благодарностью вспоминал о том влиянии, которое оказало на него монашеское братство во главе с о. Михаилом (Грибановским)¹⁴.

В том же 1884 году иеродиакон Михаил принимает сан иеромонаха, утверждается в должности приват-доцента, ему поручается преподавание в Академии Основного Богословия. Как вспоминал уже известный нам А.И.Леонтьев, «лекции о. Михаила на первых же порах привлекли внимание студенчества. Блестяще изложенные, богатые по содержанию, отличаясь новизною в постановке вопросов, они производили сильное впечатление на слушателей. Чувствовалось, что в лице о. Михаила говорит человек, не рабски следующий чужим мнениям, но

сознательно, путем долгой внутренней работы продумавший и прочувствовавший излагаемые им истины, все их богатое содержание»¹⁵.

В 1886 году иеромонах Михаил предпринимает паломническую поездку по святым местам (Иерусалим, Константинополь) и монастырям России. Он намеревается уйти из мира и навсегда поселиться в одном из монастырей. Однако три великих светильника Русской Православной Церкви – святитель Феофан Затворник (к тому времени ставший отшельником), патриарх старцев Оптиной Пустыни Амвросий Оптинский и святой праведный Иоанн Кронштадтский – независимо друг от друга, советуют ему остаться в миру для служения людям.

В 1887 году о. Михаил назначается инспектором Академии. Тогда же по его проекту в Академии начали устраивать так называемые Богословские вечера, целью которых было «уяснение Православия для современного сознания»¹⁶. В том же году о. Михаил составил и проект миссионерского Братства, в осуществлении которого он видел «одно из средств к проведению начал церковности в сознание и быт общества»¹⁷.

Константин Петрович Победоносцев

В 1888 году о. Михаил возведен в сан архимандрита.

В 1889 году тяжелейшее воспаление легких приводит к необходимости перемены климата. Архимандрит Михаил переезжает в Крым. Отсюда его по ходатайству бывшего обер-прокурора Синода К.П.Победоносцева переводят в Афины, где о. Михаил в 1890–1894 годах служит настоятелем русской посольской церкви.

Здесь, в Греции, он смог в полной мере раскрыть свой талант проповедника и оратора. А.И.Леонтьев, основываясь на воспоминаниях прихожан, отмечал: «Помимо обаятельной своей личности о. Михаил привязывал к себе и внушал любовь и уважение, доходившее до благоговения, своим чудным служением. В этом отношении о. Михаил обладал тем редким даром проникновенности в духовный смысл Богослужения, тою искреннею религиозною воодушевленностью, которыми отмечает Бог только Своих избранных»¹⁸.

Службы о. Михаила посещали члены Российского дипломатического корпуса, русские офицеры, ученые, артисты, гастролировавшие за рубежом, представители греческой интеллектуальной элиты. Отец настоятель пользовался дружеским покровительством августейшей особы: Ее Величество Королева Эллинов Ольга Константиновна, урожденная Романова, дочь великого князя Константина Николаевича, была его прихожанкой, любила и поддерживала пастыря и соотечественника, и до конца жизни преосвященного Михаила горько сожалела о том, что ему пришлось покинуть Афины.

Здесь, в Афинах, в 1894 году о. Михаил стал проводить религиозно-философские вечера. Готовясь к ним, он продумывал небольшие религиозно-нравственные эссе, построенные в виде комментариев к текстам Евангелия или отдельным Новозаветным постулатам. Со временем эти заметки составили книгу «Над Евангелием». А.И.Леонтьев так описывал процесс создания этого выдающегося богословского произведения: «В повседневной жизни своей о. Михаил придерживался заранее установленного порядка. Вставал он всегда в 6 часов утра. Утренняя молитва продолжалась около часа. После молитвы он неизменно всегда читал дневное Евангелие и по поводу прочитанного излагал свои мысли на отдельных листках. Эти заметки потом он приводил в систему и переписывал на пишущей машине и раздавал их близким знакомым. Так постепенно составлялся сборник статей, заключающих в себе размышления, вызванные чтением Евангелия: впоследствии, уже в годы епископства, они были отпечатаны под заглавием «Над Евангелием»¹⁹.

Королева Эллинов Ольга Константиновна

В 1894 году по возвращении в Россию архимандрит Михаил был хиротонисан во епископа Прилуцкого, викария Полтавской епархии. За год владыка Михаил вывел провинциальную епархию в число лучших.

Но состояние его здоровья стремительно ухудшалось. Врачи констатировали начало горловой чахотки. В декабре 1895 года владыка Михаил был переведен в Крым викарным епископом, а в январе 1897 года, за полтора года до кончины, он становится правящим архиереем.

Памятник на могиле епископа Михаила(Грибановского) в симферопольском кафедральном соборе, разрушенном в 1930 году

Владыка, несмотря на тяжелую болезнь, внес огромный вклад в устройство церковной жизни в епархии. Совместно с председателем Императорского Православного Палестинского общества великим князем Сергеем Александровичем (тем самым, который в 1905 году погибнет от эсеровской бомбы) преосвященный Михаил способствовал открытию в Тавриде губернского отделения Общества. Реорганизовав печатный орган епархии – журнал «Таврические епархиальные ведомости», – он сумел придать ему более живой характер и миссионерскую направленность. Было открыто несколько новых церковноприходских школ, увеличено количество вечерних курсов для взрослых. Организован книжный склад для продажи и бесплатной раздачи книг народу. В целях уменьшения влияния сектантов по инициативе владыки Михаила в епархии были созданы православные приходские братства...

Могила епископа Михаила (Грибановского). Современный вид

...О последних часах жизни епископа Михаила, своего друга и духовника, преосвященный Антоний (Храповицкий) вспоминал: «Он умирал, как святой подвижник [...] Он улыбался среди мучительных страданий [...] Задыхаясь за несколько минут до смерти, он шептал друзьям своим свой последний завет о самоотверженном служении Апостольской церкви»²⁰.

Он умер 19 (31) августа 1898 года.

Похоронили его, согласно завещанию, в Симферополе, в левом приделе кафедрального Александро-Невского собора (в правом приделе был погребен его предшественник по Таврической кафедре архиепископ Гурий). Беломраморный памятник на могиле епископа Михаила представлял собою киот с иконой святителя Михаила, первого митрополита Киевского, небесного покровителя владыки, и аналой. Лежащее на нем мраморное Евангелие было раскрыто на словах: «Се есть Живот Вечный, да знают Тебе, Единого Истинного Бога и Его же послал еси Иисуса Христа» (Иоан. 17:3).

„В далеком 1878 году 22-летний семинарист Михаил Грибановский записывал в дневнике: «Нужно учиться и действовать! Дремать нечего. Отдыхать в могиле»²¹. Покой останков преосвященного Михаила дважды нарушался: в 1930 году, когда безбожной властью был разрушен кафедральный Александро-Невский собор²², и в 1985-м, когда через кладбище, на котором его останки были перезахоронены, должна была пройти автомобильная трасса.

Икона святителя Гурия, архиепископа Таврического

Ныне епископ Михаил покоится на Первом гражданском кладбище Симферополя, у храма Всех Святых. В одном склепе с ним пребывали останки архиепископа Гурия (Карпова) и трех иеромонахов. В 2008 году святитель Гурий причислен к лику местночтимых святых, и его останки были перенесены в кафедральный собор. В двух шагах от этой братской могилы – опустевшая могила архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), в 1995 году канонизированного. Как знать, не будет ли причислен к лику святых и третий крымский архипастырь, покоящийся у храма с таким символическим названием...

Преосвященный Михаил (Грибановский) оставил не очень большое по объему, но чрезвычайно богатое по содержанию литературное наследие, заслуживающее глубокого и всестороннего изучения. Поскольку интерес к этому наследию в последнее время резко возрос, а общего обзора всего того, что было написано преосвященным Михаилом, в печати пока не появилось, ниже мы предлагаем вниманию читателей такой архивно-археографически-источниковедческий обзор.

Литературное наследие преосвященного Михаила по содержанию и форме условно можно подразделить на три большие группы:

1. Религиозная публицистика, лекции по богословию, популярные богословские труды.
2. Фундаментальные религиозно-философские теоретические труды.
3. Письма, дневники, записные книжки.

Первой печатной работой Михаила Грибановского была статья «Высокопреосвященный Костромской архиепископ Платон как ректор Тамбовской семинарии», напечатанная 22-летним семинаристом в «Тамбовских епархиальных ведомостях» в 1878 году, к 100-летию юбилею Тамбовской семинарии. Затем, в 1882 – 1889 годах, в журналах «Мысль» и «Церковный Вестник» были напечатаны еще 5 его статей религиозно-философского характера: «Посмертные сочинения Д.Г.Льюиса», «Развитие представления “я” в человечестве» (эти две статьи подписаны буквою Г.), «В чем состоит церковность», «Наши страдания и их главная причина», «Еще о так называемом монашестве ученом» (последняя статья, подписанная литерой Л.И. (Любитель истины), была вызвана статьей о. Антония (Храповицкого) «О монашестве ученом», опубликованной в «Церковном Вестнике» в 1889 году, № 29 и 30)²³.

В 1899 году в журнале «Православный Собеседник», издававшемся при Казанской духовной академии, были опубликованы «Лекции по введению в круг богословских наук», читанных студентам I курса Петербургской духовной академии в 1888/89 учебном году доцентом Академии архимандритом Михаилом (Грибановским). Лекции эти тогда же были отлитографированы в количестве 45 экземпляров в Петербурге, а в 1899 году, после кончины их автора, перепечатаны в Казани. В этих лекциях глубоко и оригинально, с философской точки зрения, рассмотрены фундаментальные богословские темы: понятие о Боге, о Его Троичности, о творении мира, о человеке и его бессмертии, о религии, о происхождении зла и свободе. Более века спустя, в 2003 году, по благословию Блаженнейшего Владимира, Митрополита Киевского и Всея Украины, в серии «Богословская библиотека» эти лекции переизданы тиражом 5000 экземпляров²⁴. Переиздание снабжено кратким предисловием («От издательства»), в котором очерчен жизненный и творческий путь преосвященного Михаила, охарактеризовано значение публикуемого материала, приведена библиография основных трудов епископа Михаила и литературы о нем (увы, книга А.И.Леонтьева о преосвященном Михаиле здесь не значится).

Книга епископа Михаила (Грибановского) «Над Евангелием» явилась итогом многолетних размышлений архипастыря над Священным Писанием. Признанная одним из самых ярких произведений русской духовной литературы конца XIX века, книга эта до революции (в 1896–1911 гг.) выдержала несколько изданий. После 1917 года она на несколько десятилетий была выведена из обращения. И только в 1994 году по благословию Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II книга эта тиражом 15000 экземпляров была переиздана в Санкт-Петербурге, а в 2002 году – и в Москве, где ее тиражом 5000 экземпляров переиздал Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт²⁵. К сожалению, ни одно из этих переизданий не снабжено столь необходимым для такой замечательной книги предисловием. Примечательно, что отрывки из этой книги в 1996 году были перепечатаны в симферопольском журнале «Брега Тавриды»²⁶, благодаря чему крымские читатели получили возможность составить хотя бы самое общее о ней представление. Последнее тем более важно, что, к нашему

недоумению, книги этой, написанной, напомним, епископом Таврическим (!), нет сегодня, как и в атеистические советские времена, ни в одной публичной библиотеке Крыма...

К числу фундаментальных религиозно-философских теоретических трудов преосвященного Михаила нами отнесены его кандидатская и магистерская диссертации.

Написанная в 1883 году кандидатская диссертация «Религиозно-философское мировоззрение философа Гераклита» оставалась в рукописи. На наш недавний запрос о ее наличии в архиве Санкт-Петербургской духовной академии получен отрицательный ответ. Но имеющаяся в книге А.И.Леонтьева информация о ее содержании позволяет в определенной степени реконструировать это сочинение²⁷.

Что касается магистерской диссертации «Истина бытия Божия. Вып. 1. Опыт уяснения основных христианских истин естественною человеческою мыслию», то она была опубликована в год защиты (1888). Век спустя, в 1990 году, диссертация была переиздана в издающихся Московской Патриархией «Богословских трудах»²⁸. Переиздание этого главного теоретического труда преосвященного Михаила сопровождается кратким редакционным предисловием. В нем протоиерей Владимир Мустафин, профессор Ленинградской духовной академии, подчеркивал: «Работа эта венчает собою всю личную духовноинтеллектуальную эволюцию автора от скромного отрока, воспитанника Тамбовского духовного училища, до высокообразованного богослова-философа, дерзавшего замышлять о создании христианской философской системы на русско-православной культурной основе»²⁹.

Переходя к обзору писем, дневников и записных книжек преосвященного Михаила, отметим, что в 1910 году был издан сборник «Письма Преосвященного Михаила, почившего епископа Таврического» (Симферополь, 1910. – 230 с.). Сборник включает 117 писем за 1880–1898 годы, собранных составителем у адресатов. Сам факт сохранности этих писем у адресатов свидетельствует о том, что этим документам придавалось важное значение. Адресатами писем являлись (перечисляем их в порядке расположения писем к ним в сборнике): крупнейший деятель Русской Православной Церкви преосвященный Антоний (Храповицкий), товарищ и духовное чадо преосвященного Михаила со времен их совместного обучения в Петербургской духовной академии (52 письма, 1884–1896 гг.), преосвященный Димитрий (Самбикин), бывший ректором Тамбовской духовной семинарии в то время, когда в ней обучался Михаил Грибановский (32 письма, 1880–1898 гг.), родные – отец, мать, племянница (4 письма, 1880–1884 гг.), товарищи по Тамбовской духовной семинарии (2 письма, 1882 и 1887 гг.), воспитанники Полтавской духовной семинарии (1 письмо, 1895 г.), настоятельница Вировской пустыни мать Анна (5 писем, 1897 г.), монахиня Леснинского монастыря Иустина (1 письмо, б.д.), некая А.П.К. (11 писем, 1895–1897 гг.), А.Ф. (8 писем, 1890-е гг.), личный секретарь преосвященного Михаила (Грибановского) (1 письмо, 1895 г.). В общем массиве писем, большей частью бытового характера, выделяются несколько, содержащих размышления преосвященного Михаила по сложным богословским, религиозно-философским и социально-политическим вопросам, многие из которых в наши дни не только не утратили своего значения, но стали еще более актуальными³⁰. В сборнике имя его составителя и автора оригинальных комментариев к письмам не указано, но мы убеждены, что таковым был уже знакомый нашему читателю А.И.Леонтьев. Дополнительным тому подтверждением служит тот факт, что 12 февраля 1913 года смотритель Симферопольского духовного училища А.И.Леонтьев был избран в члены Таврической ученой архивной комиссии³¹ – знаменитой крымской историко-краеведческой организации, одной из важнейших задач которой было выявление и публикация ценных архивных документов³².

Антон Павлович Чехов

И, наконец, о дневниках и записных книжках. Значительное количество дневниковых записей и заметок преосвященного Михаила приведено в атрибутированной нами книге А.И.Леонтьева 1911 года; эти документы в ряде случаев были

использованы нами в настоящей статье. Но, как мы знаем из предисловия к той же книге, издана была лишь часть писем преосвященного Михаила, а его дневники и записные книжки лишь предполагалось издать³³. К сожалению, эти замыслы не были реализованы.

Священник Сергей Щукин

Тем больший интерес представлял бы для исследователей личный архив А.И.Леонтьева, составной частью которого были, несомненно, бумаги преосвященного Михаила. Однако принятые нами попытки обнаружить архив А.И.Леонтьева успехом не увенчались. Возможно, архив погиб в результате ареста А.И.Леонтьева органами ОГПУ в 1927 году...

Изучение жизни, деятельности и литературного наследия преосвященного Михаила представляет выдающийся интерес еще и потому, что есть веские основания полагать, что именно он послужил прототипом главного героя рассказа А.П.Чехова «Архиерей». Мы попытались внести свой вклад в разработку давно волнующего чеховедов вопроса о прототипе главного героя рассказа «Архиерей», используя для этого уже апробированный нами метод анализа содержания источников и литературы и сопоставления полученной информации. Вот что у нас получилось.

В воспоминаниях ялтинского священника, учителя и литератора С.Н.Щукина, дружившего с А.П.Чеховым, читаем:

«Когда чеховский “Архиерей” появился в печати, Антон Павлович говорил, что это его старый, ранее написанный рассказ, который он теперь переделал.

Нижесказанное имеет несомненное отношение к рассказу.

В кабинете А. П-ча среди карточек писателей, артистов и, может быть, просто знакомых ему людей есть одна довольно необычная. На ней изображен человек в одежде духовного лица и вместе с ним старушка в темном простом платье.

История этой карточки такова.

Как-то, еще когда жил на даче Иловойской, А. П-ч вернулся из города очень оживленный. Случайно он увидел у фотографа карточку таврического епископа Михаила. Карточка произвела на него впечатление, он купил ее и теперь дома опять рассматривал и показывал ее.

Епископ этот (Михаил Грибановский) незадолго до того умер. Это был один из умнейших архиереев наших, с большим характером. Считается он в духовной среде как бы основателем нового, так называемого ученого монашества. Помнится, в речах при его погребении это было высказано всенародно. Во всяком случае, преосвященный Михаил имел большое влияние на многих, и, по слухам, почитатели пророчили его в патриархи русской церкви. Перед тем как приехать в Крым, он жил в Афинах, был там настоятелем нашей посольской церкви.

Лично А. П-ч его не знал.

Преосвященный Михаил был еще не старым, но жестоко страдавший от чахотки человек. На карточке он был снят вместе со старушкой матерью, верно, какой-нибудь сельской матушкой, вдовой дьякона или дьячка, приехавшей к сыну-архиерею из тамбовской глуши.

Лицо его очень умное, одухотворенное, изможденное и с печальным, страдальческим выражением. Он приник головой к старушке, ее лицо было тоже чрезвычайно своей тяжелой скорбью.

Впечатление от карточки было сильное, глядя на них – мать и сына, – чувствуешь, как тяжело бывает человеческое горе, и хочется плакать.

Помню, когда Чехов показал карточку Горькому, последний тоже заинтересовался и воскликнул, рассматривая лицо епископа:

– Какой мужчина, какой мужчина!

А. П-ч расспрашивал о преосвященном Михаиле, потом я ему посылал книжку преосвященного “Над евангелием” – думы покойного епископа по поводу некоторых евангельских речей и событий.

Мысль об архиерее, очевидно, стала занимать А. П-ча.

– Вот, – сказал он как-то, – прекрасная тема для рассказа. Архиерей служит утреню в великий четверг. Он болен. Церковь полна народом. Певчие поют. Архиерей читает евангелие страстей. Он проникается тем, что читает, душу охватывает жалость ко Христу, к людям, к самому себе. Он чувствует вдруг, что ему тяжело, что он может скоро умереть, что может умереть сейчас. И это его чувство – звуками ли голоса, общей ли напряженностью чувства, другими ли, невидными и непонятными путями – передается тем, кто с ним служит, потом молящимся, одному, другому, всем. Чувствуя приближение смерти, плачет архиерей, плачет и вся церковь.

И вся церковь вместе с ним проникается ощущением смерти, неотвратимой, уже идущей. Преосвященный Петр (*архиерей* чеховского рассказа) тоже служил прежде за границей, к нему приезжает мать, вдова сельского дьякона, он читает евангелие страстей. О служении его все-нощной под вербное воскресенье говорится так: “И почему-то слезы потекли у него по лицу. На душе было покойно, все было благополучно, но он неподвижно глядел на левый клирос, где читали, где в вечерней мгле уже нельзя было узнать ни одного человека, и – плакал. Слезы заблестели у него на лице, на бороде. Вот вблизи еще кто-то заплакал, потом дальше кто-то другой, потом еще и еще, и мало-помалу церковь наполнилась тихим плачем”.

Если припомним все это, то связь рассказа с карточкой преосвященного Михаила и с планом рассказа, о котором говорит Антон Павлович, будет очевидна³⁴.

Рассказ «Архиерей», впервые опубликованный в «Журнале для всех» в 1902 году, напечатан в 10-м томе серии Сочинений Полного собрания сочинений и писем (далее – ПССП)

А.П.Чехова³⁵. В примечаниях к рассказу³⁶ цитируется часть вышеприведенного отрывка из воспоминаний С.Н.Щукина об А.П.Чехове, отмечается, что их знакомство состоялось в январе 1899 года, приведены сведения, согласно которым время приобретения Чеховым фотокарточки епископа Таврического Михаила и распросов Чеховым Щукина о нем может быть отнесено к периоду между началом знакомства и днем, когда Щукин отправил Чехову книгу преосвященного Михаила «Над Евангелием», т. е. между январем и 24 апреля 1899 года. В результате авторы примечаний делают обоснованный, на наш взгляд, вывод: «Таким образом, 1899 год можно считать временем окончательного сформирования замысла рассказа «Архирей» и начала работы над ним»³⁷.

В пользу такого вывода можно привести и другие соображения, которые основаны на материалах изданного в 1911 году уже известного нам биографического очерка о преосвященном Михаиле, написанного, как мы установили, А.И.Леонтьевым. Книга эта представляет большой интерес и для чеховедов; она содержит ценную, но остававшуюся до недавнего времени не замеченной и не использованной ими информацию³⁸.

Итак, из вышеприведенных воспоминаний С.Н.Щукина известно, что на фотокарточке, столь поразившей Чехова, изображены епископ Таврический Михаил (Грибановский) со своей старушкой матерью.

Фотография эта и сегодня находится в кабинете Чехова в его Ялтинском музее. Она воспроизведена в недавно вышедшей статье ведущего научного сотрудника Дома-музея А.П.Чехова в Ялте А.В.Ханило³⁹; фотография сопровождается пояснительным текстом: «Михаил Грибановский, епископ Таврический, с мамой»; дата фотосъемки не указана.

Между тем из книги А.И.Леонтьева (далее – «Биографический очерк») следует, что преосвященный Михаил епископствовал в Симферополе в 1895 – 1898 годах, но поначалу (с 21 декабря 1895 года по 19 января 1897 года) – как епископ Каширский, викарий Тульской епархии, которого Святейший Синод, «ввиду его болезненного состояния, требующего пребывания в теплом климате», командировал в Симферополь «в помощь престарелому Таврическому епископу Мартиниану по управлению епархией» (с. 92), а затем (с 19 января 1897 года по 19 августа 1898 года) – как епископ Таврический и Симферопольский. 19 августа 1898 года преосвященный Михаил скончался от чахотки – болезни, мучавшей и убившей в 1904 году и А.П.Чехова.

«Биографический очерк» позволяет датировать интересующую нас фотографию преосвященного Михаила. А.И.Леонтьев пишет: «Лето 1896 г., с 15 июня по 15 августа, преосвященный Михаил провел на даче около Ялты, на Исаре. Приезжала на все лето и престарелая матушка преосвященного» (с. 102). Тогда, летом 1896 года, в Ялте они вместе конечно же и сфотографировались. Стало быть, на фотокарточке изображен преосвященный Михаил, но пока еще епископ не Таврический, а Каширский, викарий Тульской епархии.

Как видим, фотография была сделана незадолго до смерти преосвященного Михаила. И он, и его старушка мать, наверное, догадывались о близком конце – на службу в Симферополь преосвященный Михаил был переведен, как мы помним, в связи с резким ухудшением состояния здоровья. Вероятно, по этой причине они и решили сфотографироваться. Оттого так «чрезвычайны», по определению С.Н.Щукина, их лица, поразившие и А.П.Чехова, и А.М.Горького...

Думается, что вышеприведенные, а также и многие другие факты биографии преосвященного Михаила были хорошо известны Щукину. Ведь он окончил ту же Петербургскую духовную академию, выпускником, преподавателем и инспектором которой был преосвященный Михаил. Благодаря Щукину эти факты в конце 1898 – начале 1899 года стали известны Чехову. А эмоциональное воздействие этой информации, дополняемой впечатлением от фото-

графии, на наш взгляд, таково, что она не могла не повлиять и на время формирования у Чехова замысла рассказа «Архиерей», и на образ главного его героя.

Вопрос о прототипе чеховского Архиерея занимает в примечаниях к ПССП А.П.Чехова одно из центральных мест. Авторы примечаний, в частности, пишут: «И.А.Бунин, горячий поклонник “Архиерея”, не раз, разумеется, говоривший о нем с Чеховым, сообщал Б.К.Зайцеву: «В “Архиерея” он слил черты одного таврического архиерея со своими собственными, а для матери взял Евгению Яковлевну» (Борис Зайцев. Чехов. Литературная биография. Нью-Йорк, 1954, стр. 257 – 258). Бунин имел в виду епископа таврического Михаила – известного в свое время церковного публициста М.Грибановского. Биография М.Грибановского, отчасти использованная Чеховым, не соответствует, однако, одной из определяющих черт образа Архиерея – «низкому» происхождению: сам он был сыном богатого настоятеля собора (биографический очерк о нем см. в кн.: Епископ Михаил [М.Грибановский]. Над Евангелием. Полтава, 1911). Еще один возможный источник подробностей и деталей в «Архиерея» – дневники и автобиографические записки епископа Порфирия (Успенского) «Книга бытия моего». Ч. 1–4. СПб., 1894–1896 (см. подробнее: В.Б.Катаев. О прототипе чеховского архиерея. – «Проблемы теории и истории литературы. Сборник статей, посвященный памяти профессора А.Н.Соколова». М., 1971)»⁴⁰.

В.Б.Катаев в вышеуказанной авторами примечаний к ПССП А.П.Чехова статье, доказывая, что одним из прототипов чеховского Архиерея был епископ Порфирий, использовал метод сопоставления содержания рассказа «Архиерей» и «Книги бытия моего» Порфирия (Успенского).

А что общего у чеховского Архиерея и преосвященного Михаила (Грибановского)? Чтобы ответить на этот вопрос, предпримем попытку сопоставить чеховский рассказ (далее – «Архиерей») с «Биографическим очерком» А.И.Леонтьева.

«Архиерей»: «Отец его (Архиерея. – *Авт.*) был дьякон, дед – священник, прадед – дьякон, и весь род его, может, со времен принятия на Руси христианства, принадлежал к духовенству [...]» (Чехов А.П. ПССП. – Сочинения. – М., 1977. – Т. 10. – С. 198).

«Биографический очерк»: И отец преосвященного Михаила, и отец отца, и отец матери были священниками (с. 9).

«Архиерей»: «У нее (матери Архиерея. – *Авт.*) было девять душ детей [...]» (С. 188).

«Биографический очерк»: «Всех детей в семействе о. Грибановского было одиннадцать» (С. 9).

«Архиерей»: «Кончив молиться, он (Архиерей. – *Авт.*) разделся и лег, и тотчас же, как только стало темно кругом, представились ему его покойный отец [...]» (С. 188).

«Биографический очерк»: отец М.М.Грибановского, М.И.Грибановский, скончался в 1880 году (С. 9).

«Архиерей»: «Преосвященному медленно, вяло вспоминалась семинария, академия. [...] потом постригся в монахи, его сделали инспектором. Потом защищал диссертацию. Когда ему было 32 года, его [...] посвятили в архимандриты [...]. Тогда же стал болеть, похудел очень, едва не ослеп и, по совету докторов, должен был бросить все и уехать за границу. [...] Вспоминалась преосвященному белая церковь, совершенно новая, в которой он служил, живя за границей; вспоминался шум теплого моря» (С. 192 – 193).

«Биографический очерк»: Михаил Грибановский в 1879 году окончил семинарию, в 1884 – академию, в том же году постригся в монахи, в 1887 году был назначен инспектором академии, 3 апреля 1888 года защитил магистерскую диссертацию, а неделю спустя, в 32-летнем возрасте, был возведен в сан архимандрита. «Врачи постановили непременно условием не возвращаться в Петербург, и Св. Синод озаботился подысканием для о. Михаила постоянного места служения где-либо на юге. Внимание Св. Синода и К.П.Победоносцева остановилось на Афинах, где имеется русская посольская церковь. И вот, указом Св. Синода от 22

августа 1890 г. о. Михаил увольняется по прошению от должности инспектора Петербургской духовной академии, а 27 августа того же года назначается настоятелем русской посольской церкви в Афинах» (С. 70–71).

«Архиерей»: «И вспомнилось ему, как он тосковал по родине [...]» (С. 193).

«Биографический очерк»: «К лету 1893 г. он настолько окреп, что мог совершить такое трудное и далекое путешествие, как поездка в Палестину. Но с этого времени в своих письмах он все чаще и чаще говорит о России, о необходимости послужить ей, чаще и чаще высказывает, насколько тяготится он вынужденною бездеятельностью» (С. 76).

«Архиерей»: «Епархиальный архиерей, старый, очень полный, был болен ревматизмом или подагрой и уже месяц не вставал с постели. Преосвященный Петр проводывал его почти каждый день и принимал вместо него просителей» (С. 194).

«Биографический очерк»: «В тех случаях, когда епархиальный владыка отсутствовал, на преосвященном Михаиле лежали все дела по епархиальному управлению» (С. 99).

«Архиерей»: «– Ваше преосвященство, – проговорила она (племянница Архиерея Катя. – *Авт.*) тонким голоском, уже горько плача, – дядечка, мы с мамашей остались несчастными. Дайте нам немножечко денег. будьте такие добрые. голубчик!..

Он тоже прослезился и долго от волнения не мог выговорить ни слова, потом погладил ее по голове, потрогал за плечо и сказал:

– Хорошо, хорошо, девочка. Вот наступит светлое Христово воскресение, тогда потолкуем... Я помогу... помогу...

Тихо, робко вышла мать и помолилась на образа» (С. 197).

«Биографический очерк»: «Предчувствуя скорую кончину, Владыка [...] сделал необходимые предсмертные распоряжения. Все свои вещи, картины, книги, скудные остатки денежных средств письменно завещал одному из своих друзей (вероятно, А.И.Леонтьеву, смотрителю Симферопольского духовного училища, автору цитируемой книги. – *Авт.*), словесно же выразил при этом желание, чтобы книги переданы были в Симферопольское духовное училище (в настоящее время уцелевшие книги, принадлежавшие преосвященному Михаилу и переданные, согласно его воле, в Симферопольское духовное училище, находятся в Крымской республиканской универсальной научной библиотеке им. И.Я.Франко⁴¹. – *Авт.*), наличные имеющиеся остаться деньги, а также имеющиеся получаться от продажи его имущества, должны быть употребляемы на вспомоществование престарелой матери Владыки, причем убежденно сказано было, что и тех ничтожных средств для нее достаточно будет, так как она после его смерти не проживет и трех лет. Действительно, мать преосвященного Михаила умерла в 20-х числах июня 1901 г., спустя немного менее 3-х лет, и денег, оставленных после Владыки и вырученных от продажи его вещей, как раз хватило на ее содержание и погребение» (С. 117).

Как видим, множество фактов биографии преосвященного Михаила (Грибановского) и жизнеописания чеховского Архиерея совпадают. Совпадения эти вряд ли случайны. Следовательно, рассказы С.Н.Щукина А.П.Чехову о преосвященном Михаиле были подробными и запоминающимися. Ведь даже образ матери Архиерея (которая, по воспоминаниям Щукина, была, «верно, какой-нибудь сельской матушкой, вдовой дьякона или дьячка, приехавшей к сыну – архиерею из тамбовской глуши») Чехов, вопреки действительности, списал с его слов.

Лишь об обстоятельствах кончины в 1901 году матери преосвященного Михаила, им предсказанной (кстати сказать, в «Биографическом очерке» приведены и другие факты, свидетельствующие об особом духовном строении и даре прозорливости преосвященного Михаила), А.П.Чехов, наверное, так и не узнал: беседы Чехова со Щукиным о епископе Таврическом происходили, напомним, в конце 1898 – начале 1899 года, когда мать преосвященного Михаила была еще жива, а «Биографический очерк» издан в 1911 году, семь лет спустя после смерти А.П.Чехова. В противном случае, смеем предположить, конец рассказа «Архиерей» был бы иным, еще более трогательным.

А имеется ли информация о Преосвященном Михаиле в серии Писем Полного собрания сочинений и писем А.П.Чехова? Ответ находим в «Указателях» к этой серии (М., 1983). Здесь читаем: «Архиерей таврический – см. Грибановский М.» (С. 46), «Грибановский М. (епископ таврический) – X, 59, 68, 328, 336» (С. 92). Но на указанных страницах опубликованы 2 письма А.П.Чехова к С.Н.Щукину от 18 и 29 августа 1901 года и примечания к ним; в письмах этих речь идет о здравствовавшем в то время архиерее Таврическом. Зная из литературы, что с сентября 1898 года по 1905 год епископом Таврическим и Симферопольским был Николай Зиоров⁴², отметим, что в сводный указатель имен к серии Писем Полного собрания сочинений и писем А.П.Чехова следует внести соответствующие исправления, а именно: «Архиерей Таврический – см. Зиоров Н.», «Зиоров Н. (епископ Таврический) – X, 59, 68, 328, 336».

Как видим, примененный нами метод сопоставления материалов, относящихся к жизни и деятельности преосвященного Михаила, с материалами, помещенными на страницах Полного собрания сочинений и писем А.П.Чехова, позволяет с достаточным на то основанием утверждать, что прототипом (или, если все же допустить наличие нескольких прототипов, то главным из них) главного героя чеховского рассказа «Архиерей» был епископ Таврический Михаил (Грибановский). Попутно нами были сделаны и другие наблюдения, представляющие несомненный интерес для чеховедов. Так, удалось датировать знаменитую фотографию преосвященного Михаила с матерью, столь поразившую и А.П.Чехова, и А.М.Горького, и послужившую побудительным толчком к написанию «Архиерея»; фотография была сделана в Ялте в период между 15 июня – 15 августа 1896 года. На фотокарточке изображен преосвященный Михаил, но вопреки расхожей аннотации к фотографии – «Михаил Грибановский, епископ Таврический, с мамой» – епископ пока еще не Таврический, а Каширский, викарий Тульской епархии. Источником знания А.П.Чеховым фактов биографии преосвященного Михаила послужили конечно же подробные и эмоциональные рассказы С.Н.Щукина. По недавно рассекреченным материалам архива Главного Управления Службы Безопасности Украины в Крыму удалось уточнить и дополнить содержащиеся в Полном собрании сочинений и писем А.П.Чехова сведения о С.Н.Щукине, в результате чего были выявлены источники хорошего знания им фактов биографии преосвященного Михаила: оказывается, С.Н.Щукин окончил ту же Петербургскую духовную академию, выпускником, преподавателем и инспектором которой был преосвященный

Михаил. Наконец, нами были выявлены ошибки, допущенные авторами примечаний в серии Писем Полного собрания сочинений и писем А.П.Чехова; ошибки эти необходимо исправить.

Опыт изучения литературы и источников о жизни и трудах епископа Таврического Михаила (Грибановского) показывает, что их анализ полезен не только в плане исследования творческой биографии одного из самых ярких представителей Русской Православной Церкви второй половины XIX века, но и для разработки малоизученных, а то и вовсе не изученных вопросов истории отечественной науки, культуры и просвещения, истории религиозно-философской, богословской и общественнополитической мысли, истории Русской Православной Церкви в целом, Полтавской и Таврической епархий в частности, истории духовной жизни в России, Украине и Крыму⁴³.

И.А. Пшечева, С.Б. Филимонов

Примечания

- ¹ **Тальберг Н.Д.** Победоносцев. – [М.], 2000. – С. 43 – 44.
- ² Таврические епархиальные ведомости. – 1898. – № 18. – С. 1214.
- ³ От издательства // **Епископ Михаил (Грибановский)**. Лекции по введению в круг богословских наук. – К.: Пролог, 2003. – С. 7.
- ⁴ **А.л.** Преосвященный Михаил (Грибановский), епископ Таврический и Симферопольский (1856–1898). Биографический очерк (с портретом и автографом почившего епископа). – Полтава, 1911. – С. VI.
- ⁵ **А.л.** Указ. соч. – С. 121.
- ⁶ **А.л.** Указ. соч. – С. 130–131.
- ⁷ Таврические епархиальные ведомости. – 1898. – № 18. – С. 12041205.
- ⁸ См.: Там же. – С. 1229–1230.
- ⁹ Таврический церковно-общественный вестник. – 1910. – № 31. – С. 1382.
- ¹⁰ Таврические епархиальные ведомости. – 1911. – № 28. – С. 376.
- ¹¹ Подробнее см.: **Филимонов с. Б.** Тайны крымских застенков. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920 – 1940-е годы. – Изд. 3-е, доп. – Симферополь, 2007. – С. 82 – 85.
- ¹² **А. л[еонтьев]**. Указ. соч. – С. 47.
- ¹³ Подробнее см.: **Пшенева и. А.** Епископ Таврический Михаил (Грибановский) – выдающийся религиозный мыслитель // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2001. – № 21. – С. 120–121.
- ¹⁴ От издательства // **Епископ михаил (Грибановский)**. Лекции по введению в круг богословских наук. – К., 2003. – С. 10.
- ¹⁵ **А. л[еонтьев]**. Указ. соч. – С. 57.
- ¹⁶ **А.л[еонтьев]**. Указ. соч. – С. 67.
- ¹⁷ **А.л[еонтьев]**. Указ. соч. – С. 68.
- ¹⁸ **А.л[еонтьев]**. Указ. соч. – С. 74.
- ¹⁹ **А.л[еонтьев]**. Указ. соч. – С. 72.
- ²⁰ **А.л[еонтьев]**. Указ. соч. – С. 128.
- ²¹ **А.л[еонтьев]**. Указ. соч. – С. 41.
- ²² Подробнее см.: **Филимонов С. Б.** По следам утраченных святынь // Брега Тавриды. – Симферополь, 2002. – № 1 (60). – С. 283.
- ²³ См. соответственно: Тамбовские епархиальные ведомости. -1878. – № 15. – С. 471 – 484; Мысль (СПб.). – 1882. – Январь. – С. 121 – 130; Там же. – 1882. – Март. – С. 339 – 366; Церковный Вестник (СПб.). – 1886. – № 51 – 52. – С. 827 – 830; Там же. – 1887. – № 4. – С. 67 – 69; № 5. – С. 89 – 90; Там же. – 1889. – № 40. – С. 682 – 683; № 41. – С. 697 – 699. Об этих статьях (с раскрытием псевдонимов) см.: **А.л[еонтьев]**. Указ. соч. – С. 34, 45, 59.
- ²⁴ **Епископ Михаил (Грибановский)**. Лекции по введению в круг богословских наук. – К.: Пролог, 2003. – 252 с.
- ²⁵ **Епископ михаил (Грибановский)**. Над Евангелием. – СПб., 1994, – 256 с.; **Епископ михаил (Грибановский)**. Над Евангелием. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 2002. – 320 с.

²⁶ **Епископ михаил (Грибановский)**. Внутреннее царство. Выбор богов / предисл. Светланы Ягуповой // Брега Тавриды. – Симферополь, 1996. – № 6 (29). – С. 213 – 218.

²⁷ См.: **А. л[еонтьев]**. Указ. соч. – С. 46 – 47; **Пшенева и. А.** Епископ Михаил (Грибановский) – выдающийся религиозный мыслитель. – С. 120.

²⁸ Богословские труды. – М., 1990. – Сб. 30. – С. 5 – 82.

²⁹ **мустафин владимир**, протоиерей. От редакции // Там же. – С. 7.

³⁰ Подробнее см.: **Пшенева и. А.** Эпистолярное наследие епископа Таврического Михаила (Грибановского) // Крымский Архив. – Симферополь, 2002. – № 8. – С. 65 – 71.

³¹ См.: Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь, 1913. – № 50. – С. 262.

³² См.: **Филимонов с. Б.** Хранители исторической памяти Крыма: о наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887 – 1931 гг.). – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Симферополь, 2004.

³³ См.: **А. л[еонтьев]**. Указ. соч. – С. VI.

³⁴ **Щукин с.н.** Из воспоминаний об А.П.Чехове // А.П.Чехов в воспоминаниях современников. – [М.], 1960. – С. 465 – 466. Сведения о Щукине в примечаниях к указанному сборнику воспоминаний и к Полному собранию сочинений и писем А.П.Чехова схожи и кратки: Щукин (псевдоним Воскресенский) Сергей Николаевич (о. Сергей) (1873 – 1931), священник и литератор, преподавал в ялтинской церковноприходской школе, автор воспоминаний о Чехове («Русская мысль». – 1911. – № 10). Известны 4 письма Чехова к Щукину и 7 писем Щукина к Чехову.

Дополнительную информацию о Щукине содержат недавно рассекреченные судебные дела, хранящиеся в архиве Главного Управления Службы Безопасности Украины в Крыму. Из них явствует, что Щукин родился в городе Великий Устюг Вологодской губернии в сентябре 1872 года (а не в 1873-м, как указано в вышеупомянутых примечаниях). Окончил Вологодскую духовную семинарию и Петербургскую духовную академию. В Крыму с 1898 года (как, отметим, и А.П.Чехов). С 1906 по 1910 год был выслан из Ялты за политическую неблагонадежность. С 1910 года служил в Ялте в Аутской Успенской церкви. В 1906 и 1919 годах предотвращал еврейские погромы. При Деникине и Врангеле спасал от расстрелов коммунистов-подпольщиков. При большевиках чекисты его трижды (в 1921, 1923 и 1924 годах) арестовывали, в 1921 году даже приговорили к расстрелу, но каждый раз освобождали по причине его чрезвычайной популярности и заступничества за него со стороны широкой общественности. Об этом замечательном человеке, «любимце публики г. Ялты», как характеризовал Щукина в 1921 году чекист Матузенко, крымским протоиереем Николаем Доненко подготовлен к печати обстоятельный документальный очерк.

³⁵ **Чехов А.П.** ПССП. – Сочинения. – М., 1977. – Т. 10. – С. 186–201.

³⁶ Там же. – С. 452 – 462.

³⁷ Там же. – С. 454. Недавно ялтинскому чеховеду А.Г.Головачевой с помощью оригинальной методики удалось уточнить дату знакомства Чехова со Щукиным (между 6 и 9 ноября 1898 г.) и дату приобретения Чеховым фотографии епископа Михаила с матерью (9 ноября 1898 г.); см.: **Головачева А.Г.** Епископ Таврический Михаил (М.М.Грибановский) и его отражения в биографии и творчестве А.П.Чехова // Биография Чехова: итоги и перспективы: материалы Международной научной конференции. – Великий Новгород, 2008. – С.90 – 109.

³⁸ Со ссылками на наши публикации (их перечень см. ниже) эта информация в определенной степени использована в вышеуказанной статье А.Г.Головачевой.

³⁹ См.: **Ханило А.В.** Иконы и кресты А.П.Чехова и его близких в Ялтинском музее // Москва – Крым: историко-публицистический альманах. – М., 2001. – Вып. 3. – С. 157.

⁴⁰ **Чехов А.П.** ПССП. – Сочинения. – М., 1977. – Т. 10. – С. 460.

⁴¹ Об этом свидетельствует, в частности, сохранившаяся здесь книга «Материалы для истории Пугачевского бунта, собранные С.С.Краснодубровским. I. Архив Астраханской Духовной консистории (Труды Саратовской ученой архивной комиссии. – Саратов, 1889)», имеющая штамп библиотеки Симферопольского духовного училища, а на титульном листе – надпись: «Другу моему дорогому, милому и незабвенному Архимандриту Михаилу (Мише Грибановскому) от сердечно любящего его автора. Саратов, 89. X.5». Благодарим Л.М.Демидову, сообщившую нам об этой книге.

⁴² См.: **Бельский А.В.** Старообрядцы и архиепархия юга Украины в XVIII–XX веках // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1997. – № 2. – С. 114.

⁴³ См. также: **Пшенева И.А., Филимонов С.Б.** Епископ Таврический Михаил (Грибановский) на страницах Полного собрания сочинений и писем А.П.Чехова: опыт источниковедческого прочтения // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2001. – № 25. – С. 51 – 54; **Они же.** Кто автор книги о епископе Таврическом Михаиле (Грибановском)? // Берега Тавриды. – Симферополь, 2001. – № 6 (59). – С. 326 – 329; **Они же.** Подвижник веры и науки: епископ Таврический Михаил (Грибановский) и его научное наследие // Крымский Архив. – Симферополь, 2003. – № 9. – С. 82 – 97.

Таврическая ученая архивная комиссия в 1917 – 1920 годах

Начиная с 1884 года в Российской империи практически повсеместно создаются губернские ученые архивные комиссии (ГУАК), вошедшие в историю отечественного краеведения¹ как организации, внесшие особенно большой вклад в дело сохранения культурно-исторического наследия. 24 января (5 февраля) 1887 года в Симферополе была учреждена Таврическая ученая архивная комиссия. По времени образования она стала седьмой среди ГУАК, существовавших в дореволюционной России, и первой среди ГУАК, существовавших на территории современной Украины. Вскоре после 1917 года ГУАК либо вовсе прекращают свое существование, либо преобразуются в краеведческие или историко-краеведческие общества².

**Титульный лист
последнего выпуска
«Известий Таврической
ученой архивной комиссии»**

...В течение почти полувека (1887–1931) вопросы истории Крыма, этнографии его народов, охраны и использования многочисленных и разнообразных памятников истории и культуры энергично разрабатывались старейшей и авторитетнейшей в

Крым краеведческой организацией, в 1887–1923 гг. именовавшейся Таврической ученой архивной комиссией (ТуАк), в 1923–1931 гг. Таврическим обществом истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ). В деятельности ТУАК – ТОИАЭ живое участие принимал весь цвет крымской многонациональной интеллигенции, а также крымоведы других регионов страны. Вышедшие в 1887–1920 гг. 57 томов «Известий» ТУАК представляют собой, по оценке члена ТУАК академика И.Ю.Крачковского, «своеобразную энциклопедию по истории и культуре Крыма, которая еще долго будет служить путеводной нитью для всех исследователей края»³.

Обложка книги о ТУАК и ТОИАЭ

События 1917 года, как это на первый взгляд ни парадоксально, активизировали деятельность ТУАК. В отчете ТУАК за 1917 год отмечалось: «Несмотря на ужасные обстоятельства времени, ни в одном году за все время существования Комиссии не было такого количества ее заседаний, как в истекшем году. Это вызывалось, с одной стороны, весьма значительным количеством сообщений, полученных для помещения в «Известиях» Комиссии, и важностью вопросов, связанных с самым существованием ее, требовавших наискорейшего обсуждения, а с другой стороны, общим желанием членов Комиссии почаще собираться, чтобы в живом общении и обмене мыслей, связанных с чтением докладов, посвященных далекому прошлому

Тавриды и России вообще, находить некоторое успокоение, давать уставшим и больным нервам необходимый отдых и, переносясь в прошлое, хотя бы на время забывать настоящее»⁴.

Своего рода программой работ ТУАК на период революции и Гражданской войны стала речь А.И.Маркевича, произнесенная на заседании ТУАК 17 ноября 1917 года по старому стилю, т. е. три недели спустя после Октябрьского переворота в Петрограде. Речь эта не только ярка и колоритна, но сегодня еще и злободневна, а потому заслуживает быть воспроизведенной полностью.

«Три года тому назад Таврическая ученая архивная комиссия присоединила свой скромный голос к выражению чувств возмущения и негодования, объяввших весь культурный мир по поводу варварского разгрома, уничтожения и расхищения немцами великих сокровищ и знаменитых памятников истории и искусства в Бельгии и северо-восточной Франции.

В настоящее время мы переживаем еще больший ужас, вызванный позорным, небывалым в истории уничтожением, расхищением и непоправимой порчей памятников нашей истории, нашей культуры, нашего искусства, величайших всенародных сокровищ России, производящимися, к неизгладимому во веки веков нашему позору, самими же русскими людьми, разум и чувства которых отравлены врагами и предателями России.

Разгром множества помещичьих усадеб с уничтожением драгоценных собраний предметов искусства, библиотек, документов и зданий по всему пространству России, расхищение дворцов членов бывшего Императорского Дома, музеев, частных и государственных, в том числе Эрмитажа, и правительственных учреждений, с гибелью десятков тысяч предметов величайшей ценности, завершился расхищением и истреблением всего ценного в Зимнем дворце в Петрограде, разгромом артиллерийскими снарядами нашего величайшего сокровища, священного для каждого русского человека – Московского Кремля. Повреждены Никольские ворота в Кремле, сильно пострадал храм Василия Блаженного на Красной площади, сильно поврежден Московский Успенский собор, причем погибла часть его фресковой росписи, пострадали Чудов монастырь, разграблена Синодальная ризница, причем погибло множество предметов громадной исторической ценности, и примыкающий к ней храм Двенадцати Апостолов, расхищено множество ящиков с драгоценнейшими сокровищами Эрмитажа и других музеев, Зимнего дворца и других дворцов и учреждений, хранившимися в Московском Кремле, равно как погибло много ящиков с такими же предметами в Петрограде, которых не успели вывезти оттуда.

Гибель всех этих наших народных культурных сокровищ усугубляет то горе, которое испытываем мы, переживая гнусное издевательство над нашим прошлым, гибель нашего государственного величия, славы и мощи, нашего государственного достоинства, переживая распад нашей Родины, раздираемой на части и внешними и внутренними ее врагами, изменниками и предателями.

Печальная слава Герострата и Эфиальта меркнет перед той постыдной славой, которую приготовили для себя на вечные времена в нашей и мировой истории нынешние вдохновители и руководители невежественной народной массы, развратившие наш народ, отравившие его душу и приведшие его к бедствиям нашего лихолетия. Имена их навсегда сохранятся на скрижалях истории и будут повторяться с презрением и омерзением. Позор этот падет, конечно, не только на отдельных людей, но и на все наше безвременье. Беспристрастная история над всем произнесет свой справедливый, нелицеприятный приговор.

Предлагаю Комиссии выразить волнующие нас чувства негодования и скорби Российской Академии наук, Российской Академии художеств, Московскому Археологическому обществу и Археологической комиссии».

Как отмечено в протоколе, «собрание с полным сочувствием приняло предложение председателя»⁵.

В том же 1917 году, как сказано в оставшемся неопубликованным отчете ТУАК (в извлечениях он публикуется ниже; см. Приложение I, док. № 4), «исполняя свой долг, Комиссия обратилась в местной прессе с воззваниями к населению Тавриды о бережном отношении к памятникам истории родины, как монументальным и вещественным, так и письменным, в частности, архивным, как важнейшим историческим ценностям, а вместе с тем обращалась с ходатайствами к властям о принятии мер к охране архивов в городах и селениях...»⁶.

В условиях революции и Гражданской войны ТУАК приобретала значение главного на полуострове хранителя исторической памяти и культурных традиций. При деятельном участии ТУАК в Крыму был создан ряд учреждений просвещения, науки и культуры: в 1918 году – Таврический университет, в 1919 – Центральный архив, в 1920 – Комитет по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (Крымохрис), в 1921 – Центральный музей Тавриды. Члены ТУАК становились преподавателями и сотрудниками этих учреждений, а преподаватели и сотрудники этих учреждений становились членами ТУАК.

В 1917 – 1920 гг. ТУАК насчитывала около 300 членов. Среди них были и такие выдающиеся ученые, оказавшиеся после 1917 года в Крыму, как историк искусства член-корреспондент Академии наук Д.В.Айналов (член ТУАК с 3 июня 1919 г.), геолог и палеонтолог академик Н.И.Андрусов (член ТУАК с 3 февраля 1919 г.), экономист, философ, богослов, публицист и общественный деятель С.Н.Булгаков (член ТУАК с 15 ноября 1919 г.), ректор Таврического университета ученый-энциклопедист академик В.И.Вернадский (почетный член ТУАК с 18 октября 1920 г.), его сын историк Г.В.Вернадский (член ТУАК с 15 ноября 1918 г.), будущий академик историк Б.Д.Греков (член ТУАК с 3 февраля 1919 г.), будущий академик литературовед Н.К.Гудзий (член ТУАК с 15 ноября 1918 г.), ботаник и географ член-корреспондент Академии наук Н.И.Кузнецов (член ТУАК с 13 августа 1918 г.), литературовед член-корреспондент Академии наук Е.В.Петухов (член ТУАК с 15 ноября 1919 г.) и другие. Бессменным председателем ТУАК – ТОИАЭ в 1908–1930 гг. был замечательный ученый и организатор науки Арсений Иванович Маркевич (1855 – 1942), за заслуги перед крымоведением избранный в 1927 году членом-корреспондентом Академии наук СССР.

В 1917 – 1920 годах главным направлением деятельности ТУАК становится спасение и сохранение всех разнообразных памятников истории и культуры. В первую очередь ТУАК стремилась спасти от гибели те памятники, которым в обстановке Гражданской войны грозила особенно большая опасность, а именно: памятники представителям рухнувшего режима, архивы упраздненных правительственных и сословных учреждений, сосредоточенные в «дворянских гнездах» библиотеки, коллекции и документы. Примечательно, что деятельность ТУАК по спасению памятников⁷, определенным итогом которой стало создание Центрального архива и Центрального музея Тавриды, была отмечена почетным членом ТУАК академиком В.И.Вернадским. В опубликованной в 1921 году в петроградском журнале «Наука и ее работники» статье «О научной работе в Крыму в 1917 – 1921 гг.» В.И.Вернадский писал: «Музей и архив находятся еще в стадии созидания, и их будущее не ясно. Однако они сейчас имеют значение уже потому, что спасают много научно ценного, что гибнет при междоусобной войне. Кажется, все крупные архивы учреждений – общественных и государственных – Крыма спасены в этом новом архиве»⁸.

Для истории ТУАК периода Гражданской войны чрезвычайно характерен и следующий эпизод. В 1920 году интеллигенция Крыма, оставаясь верной культурным традициям, решила отметить 100-летнюю годовщину со времени пребывания А.С.Пушкина в Тавриде.

Непосредственным инициатором празднования юбилея был председатель ТУАК и, по емкости определению Г.В.Вернадского, «ее душа»⁹ А.И.Маркевич.

19 мая 1920 года на заседании ТУАК (на котором присутствовали и такие знаменитые в будущем ученые, а в то время – молодые профессора историко-филологического факуль-

тета Таврического университета, как Г.В.Вернадский, Б.Д.Греков, Н.К.Гудзий) А.И.Маркевич предложил отметить предстоящее в сентябре 100-летие со времени пребывания А.С.Пушкина в Тавриде устройством особого публичного заседания Комиссии, с соответствующими докладами и речами, и изданием сборника статей. Как отмечено в протоколе заседания, собрание «вполне согласилось с мыслью А.И.Маркевича и постановило употребить старания к составлению и изданию Пушкинского сборника»¹⁰.

Из отчета ТУАК за 1920 год явствует, что «определился состав сборника, выяснилась и полная возможность осуществить издание его в материальном отношении, ввиду сочувствия его изданию Таврического губернского земства и других общественных учреждений и лиц, – но политические события лишили Комиссию возможности привести в исполнение свое благое намерение, и она ограничилась только устройством публичного заседания, посвященного памяти Пушкина. По инициативе Комиссии во всех средних и низших учебных заведениях Симферополя были сделаны преподавателями сообщения учащимся о пребывании Пушкина в Тавриде и отражениях ее в его творчестве, сопровождавшиеся чтением его произведений»¹¹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.